

**Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук,
профессор Ю.М.Антонян**

Исследование

организационного преступного поведения

Оглавление

1. Аналитический обзор организационного преступного поведения	2
2. Общая характеристика преступных организаций	7
3. Особенности личности и типология лидеров преступных организаций	20
4. Функции лидеров преступных организаций	38
5. Обеспечение функций лидера	49

1. Аналитический обзор преступлений, организационного преступного поведения

Уголовный закон России предусматривает уголовную ответственность за следующие виды преступной организационной активности:

- организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст.208);
- бандитизм (ст.209);
- организация преступного сообщества (преступной организации) (ст.210);
- организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст.232);
- организация объединения, посягающего на личность и права граждан (ст.239);
- организация или содержание притонов для занятий проституцией (ст.241).

Степень общественной опасности каждого из этих преступлений различна. Различны и их масштабы, о чем дает представление следующая таблица:

Таблица 1

<u>Составы преступлений</u>	<u>Годы</u>		
	1997	1998	1999
Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем	9	2	9
Бандитизм	372	479	522
Организация преступного сообщества (преступной организации)	48	83	161
Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ	94	1010	1024
Организация объединения, посягающего на личность и права граждан	2	5	5
Организация или содержание притонов для занятий проституцией	108	124	129

Приведенные данные позволяют отметить следующие весьма важные особенности исследуемых преступлений:

1. Наиболее распространенными правонарушениями являются бандитизм, организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ, организация или содержание притонов для занятия проституцией. Организация или содержание притонов среди всех названных преступлений значительно превосходит последние. Вместе с тем организация притонов всегда принадлежит к числу наиболее латентных преступлений, уровень регистрируемых которых легко регулировать.

2. Из пяти исследуемых преступлений три проявляют явную тенденцию к росту, но ни одно – к снижению. Практически на одном уровне находятся такие преступления как организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем и организация объединения, посягающего на личность и права граждан. Наибольший рост отмечается числа фактов организации преступного сообщества (преступной организации), что, несомненно связано с активизацией работы по борьбе с организованной преступностью: количество таких преступных деяний за последние три года выросло более чем в три раза.

3. Обращает на себя внимание, что в стране ежегодно регистрируется достаточно большое число преступных фактов создания устойчивой вооруженной группы (банды), причем число случаев бандитизма проявляет явную тенденцию к росту.

4. Такие преступления как бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации) и организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ в большинстве случаев в той или иной форме связаны с организованной преступностью. Рост их числа свидетельствует не только о том, что подобные преступления стали чаще совершаться, но и о некоторой (пусть еще и недостаточной) активизации борьбы с упомянутым видом преступности.

Более развернутое представление о распространенности рассматриваемых преступлений дают данные о них по федеральным округам России.

Таблица 2

Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст.208 УК РФ)

Федеральные округа	Зарегистрировано		
	97	98	99
Центральный	2	0	0
Северо-Западный	1	0	0
Северо-Кавказский	3	2	9
Приволжский	1	0	0
Уральский	2	0	0
Сибирский	0	0	0
Дальневосточный	0	0	0
Российская Федерация	9	2	9

Таблица 3

Бандитизм (ст.209 УК РФ)

Федеральные округа	Зарегистрировано			Темпы прироста в %		Удельный вес в %			Кол-во прест. на ед. населения		
	97	98	99	98/97	99/98	97	98	99	97	98	99
Центральн ый	72	99	93	37,5	-6,1	19,4	20,7	17,8	0,19	0,27	0,25
Северо- Западный	36	46	33	27,8	-28,3	9,7	9,6	6,3	0,24	0,31	0,23
Северо- Кавказский	74	85	72	14,9	-15,3	19,9	17,7	13,8	0,34	0,39	0,33
Приволжск ий	71	79	95	11,3	20,3	19,1	16,5	18,2	0,22	0,25	0,29
Уральский	32	37	44	15,6	18,9	8,6	7,7	8,4	0,25	0,29	0,35
Сибирский	57	101	123	77,2	21,8	15,3	21,1	23,6	0,27	0,48	0,58
Дальневос точный	30	32	62	6,7	93,8	8,1	6,7	11,9	0,40	0,44	0,85
Российска я Федераци я	372	479	522	28,8	9,0	100,0	100,0	100,0	0,25	0,33	0,36

Таблица 4

Организация преступного сообщества (преступной организации) (ст.210 УК РФ)

Федеральные округа	Зарегистрировано			Темпы прироста в %		Удельный вес в %			Кол-во прест. на ед. населения		
	97	98	99	98/97	99/98	97	98	99	97	98	99
Центральн ый	14	29	56	107,1	93,1	29,2	34,9	34,8	0,04	0,08	0,15
Северо- Западный	3	8	36	166,7	350	6,3	9,6	22,4	0,02	0,05	0,25
Северо- Кавказский	11	4	16	-63,6	300,0	22,9	4,8	9,9	0,05	0,02	0,07
Приволжск ий	8	16	19	100,0	18,8	16,7	19,3	11,8	0,02	0,05	0,06
Уральский	3	3	12	0,0	300,0	6,3	3,6	7,5	0,02	0,02	0,09
Сибирский	8	20	16	150,0	-20,0	16,7	24,1	9,9	0,04	0,10	0,08
Дальневос точный	1	3	6	200,0	100,0	2,1	3,6	3,7	0,01	0,04	0,08
Российска я Федераци я	48	83	161	72,9	94,0	100,0	100,0	100,0	0,03	0,06	0,11

Таблица 5

Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст.232 УК РФ)

Федеральные округа	Зарегистрировано			Темпы прироста в %		Удельный вес в %			Кол-во прест. на ед. населения		
	97	98	99	98/97	99/98	97	98	99	97	98	99
Центральн ый	135	90	72	-33,3	-20,0	14,8	8,9	7,0	0,40	0,24	0,19
Северо- Западный	56	30	35	-46,4	16,7	6,1	3,0	3,4	0,38	0,20	0,24
Северо- Кавказский	175	08	215	18,9	3,4	19,1	20,6	21,0	0,81	0,96	0,99
Приволжск ий	106	134	114	26,4	-14,9	11,6	13,3	11,1	0,33	0,42	0,45
Уральский	148	171	193	15,5	12,9	16,2	16,2	18,8	1,17	1,35	1,52
Сибирский	221	299	326	35,3	9,0	24,2	29,6	31,8	1,05	1,43	1,54
Дальневос точный	73	78	69	6,8	-11,5	8,0	7,7	6,7	0,98	1,06	0,95
Российска я Федераци я	914	1010	1024	10,5	1,4	100,0	100,0	100,0	0,62	0,69	0,70

Таблица 6

**Организация объединения, посягающего на личность и права граждан
(ст.239 УК РФ)**

Федеральные округа	Зарегистрировано		
	97	98	99
Центральный	1	2	0
Северо-Западный	0	2	2
Северо-Кавказский	0	0	0
Приволжский	0	1	0
Уральский	1	0	0
Сибирский	0	0	2
Дальневосточный	0	0	1
Российская Федерация	2	5	5

Таблица 7

**Организация или содержание притонов для занятия проституцией
(ст.241 УК РФ)**

Федеральные округа	Зарегистрировано			Темпы прироста в %		Удельный вес в %			Кол-во прест. на ед. населения		
	97	98	99	98/97	99/98	97	98	99	97	98	99
Центральн ый	12	24	31	100,0	29,2	11,1	19,4	24,0	0,03	0,06	0,08
Северо- Западный	36	42	36	16,7	-16,3	33,3	33,9	27,9	0,24	0,29	0,25
Северо- Кавказский	6	16	10	166,7	-37,5	5,6	12,9	7,8	0,03	0,07	0,05
Приволжск ий	11	13	14	18,2	7,7	10,2	10,5	10,9	0,03	0,04	0,04
Уральский	11	4	9	-63,6	125,0	10,2	3,2	7,0	0,09	0,03	0,07
Сибирский	21	21	18	0,0	-14,3	19,4	16,9	14,0	0,10	0,10	0,8
Дальневос точный	11	4	11	-63,6	175,0	10,2	3,2	8,5	0,15	0,05	0,15
Российска я Федераци я	108	124	129	14,8	14,0	100,0	100,0	100,0	0,07	0,08	0,09

Приведенные данные по федеральным округам говорят о том, что организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем больше всего распространено на Северном Кавказе, а в последние два года (98-99 гг.) – только там. Бандитизм, судя по данным за 1999 г., чаще всего наблюдается в Сибирском регионе, несколько меньше – в Приволжском и Уральском, однако на единицу населения – в

Дальневосточном. Организация же преступного сообщества (преступной организации), напротив, обычно наблюдается в европейской части страны, а именно в Центральном и Северо-Западном регионах; причем распространенность таких преступлений там на единицу населения многократно превышает аналогичные показатели в других округах. Отсюда можно сделать вывод, что организованная преступность наиболее масштабна в европейских, более индустриальных областях России.

Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ, как следует из приведенных данных, чаще других за последние три года фиксируется в Сибирском округе, однако наибольшее распространение этого преступления на единицу населения наблюдается в 1999 г. в Уральском.

Организация или содержание притонов для занятия проституцией чаще регистрируется в Центральном и Северо-Западном округах, при этом намного больше, чем в других. Там же, напомним, больше других фиксируется такое преступление, как организация преступного сообщества (преступной организации).

Организация объединения, посягающего на личность и права граждан, в статистике находит отражение крайне редко.

2. Общая характеристика преступных организаций¹

На современном этапе борьбы с организованной преступностью перед правоохранительными, прежде всего их оперативными и следственными аппаратами, возникает ряд сложнейших задач, которые обусловлены, с одной стороны, требованиями активизации деятельности в этом направлении, а с другой, усложнением этой борьбы, вызванной стремлением организованных преступных

¹ Понятия “группы”, (“группировки”, “организации”, “сообщества”, “структуры” в рамках организованной преступности будут использоваться нами как синонимы.

структур создать систему защиты от государственного и иного социального контроля, основанную на запугивании, жестокости, насилии и широкомасштабной коррупции.

Сущность такой системы ни что иное, как организованное противодействие, в первую очередь, правоохрнительным органам со стороны преступных группировок. Процесс противодействия представляет собой сложный комплекс разнообразных силовых приемов, уловок и хитростей преступников, препятствующих эффективному предупреждению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению совершенных ими преступлений. Его цель – ослабить, либо нейтрализовать деятельность правоохрнительных органов направленную на борьбу с организованной преступностью.

Естественно, что правоохрнительные органы должны предпринимать меры по нейтрализации такого противодействия. Следует согласиться с тем, что стратегия сдерживания названной преступности должна опираться на решение крупных экономических, политических, социальных и организованных проблем. Однако и стратегия и в большей степени тактика борьбы с ней должны в максимальной мере учитывать особенности ее основных характеристик, в том числе криминологических, криминалистических, оперативно-розыскных. Иными словами, речь идет о познании и практическом использовании всех данных (психологических, социологических, экономических и иных) о преступных организациях и организованной преступности в целом.

Характеристика преступной организации в основном должна включать в себя:

- ее вид, характер и направленность преступной активности;
- структура и ролевой состав сообщества;
- его внешние связи, межгрупповое взаимодействие;
- внутригрупповые отношения, внутригрупповая динамика;
- личностные, психологические, криминальные и иные характеристики лидера преступной группировки;
- формы и методы руководства преступной группировкой.

Преступная группировка устойчивое, иерархически организованное объединение лиц с определенной системой управления, созданное для совершения корыстных и иных преступлений и обладающее системой защиты с помощью коррумпированных связей и силовых методов.

Все преступные группировки имеют свои специфические отличительные свойства. Это, прежде, сплоченность и иерархия со строгим распределением ролей. Для многих организованных групп свойственно стремление к объединению в более крупные формирования для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Так, в России насчитывается около 100 крупных сообществ. Наряду с этим непрерыван процесс появления новых, как правило, мелких групп, которые потом могут сливаться в крупные.

Некоторые исследователи (В.М.Антонов, В.П.Кувалдин, В.И.Попов) выделяют следующие признаки устойчивости преступных организаций:

- определение способа совершения заранее задуманного преступления, объекта и предмета посягательства, места и времени совершения способа сбыта похищенного и сокрытия следов. Данную задачу, как правило, решает ее лидер (организатор, руководитель);
- организованность группировки, то есть определение необходимого количества исполнителей и их подбор, достижение договоренности между участниками формирования о роли каждого на разных стадиях совершения преступления (распределение ролей), создание фондов общих денежных средств;
- сбор информации об объекте и предмете преступного посягательства (изучение конъюнктуры, выбор объектов и сбор информации о них, изучение системы охраны и обеспечения безопасности, поиск технических средств совершения преступлений, оружия и т.д.);
- доведение преступного замысла до исполнителей, их инструктаж, определение роли каждого в распределении средств, добытых преступным путем, координация преступной деятельности, особенно при ее

осуществлении в различных регионах, установление контактов с другими преступными структурами и т.д.);

- определение способов противодействия правоохранительным органам (дезинформация, подкуп, запугивание, физическое воздействие на потерпевших и свидетелей, использование коррумпированных связей в органах власти, обеспечение технического превосходства над правоохранительными органами и т.п.).

Анализ материалов уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации), всего 32 дела, свидетельствует о том, что сегодня в значительной степени основой деятельности преступных сообществ (преступных организаций) является экономика. Под их влиянием подпадают некоторые города и районы, поскольку же они господствуют там в экономике, их власть распространяется и на социальную жизнь, на межличностные и межгрупповые отношения, на общественную мораль.

Так, при проведении нами выборочного исследования в Псковской области было установлено, что там действуют 9 преступных организаций. Они имеют прочную экономическую основу, поддерживают “дружеские” отношения с представителями организованной преступности Москвы, Санкт-Петербурга, а также стран Балтии и Беларуси. Данные преступные формирования хорошо оснащены технически, имеют коррумпированные связи в администрациях, правоохранительных органах. Под их контролем находится свыше 80 коммерческих структур. Основными направлениями деятельности являются игорный бизнес, контрабанда, разбойные нападения на дорогах, вложение финансовых средств в продажу горюче-смазочных материалов, в строительство комплексов для жилья и отдыха, платных стоянок. Их деятельность включает в себя проведение грузовых караванов с контрабандой (цветные металлы, наркотики, нефтепродукты, автомашины иностранного производства) через таможенные посты, предпринимательскую деятельность в обход действующего законодательства, вымогательство.

Следует отметить этнический характер отдельных преступных сообществ (организаций). Этнические группировки отличаются тем, что общность корыстных интересов дополняется и укрепляется общностью национальной (этнической), и это обстоятельство значительно повышает жизнеспособность и устойчивость криминальной структуры. Например, на территории п.Полюсса Псковской области, на момент проведения исследования в 1998 г., действовала преступная организация под прикрытием Общественного центра чеченской культуры “Нийсо”. В ее составе было несколько человек русской национальности, которые использовались в качестве боевиков. Основная направленность данного преступного формирования – вымогательство и сбыт наркотиков. Кроме того, она контролировала практически все заготовки лесоматериалов в области, коммерческую деятельность граждан турецкой национальности, поддерживала связи с “нижегородскими” и “петербургскими” нечеченцами. Для осуществления конкретных преступных акций привлекались чеченцы из других регионов.

Результаты нашего криминологического исследования показывают, что членами преступных сообществ (организаций) помимо преступлений экономического и коррупционного характера чаще всего совершают такие преступления, как вымогательство, бандитизм, захват заложника, убийства по заказу или по приказу лидера преступного формирования

Сплоченность преступной группировки обеспечивается путем объединения в неразрывное социально-психологическое целое членов организованной структуры. Это не только четкое распределение ролей между участниками формирования, но и установление доверительных взаимоотношений, строгой дисциплины, контроля со стороны организаторов за исполнителями преступлений, их материальная поддержка, взаимовыручка и установление атмосферы неотвратимости наказания за неисполнение принятых организаторами решений. Помимо вышеперечисленных признаков, им свойственны и другие, например:

- конкретная сфера преступной активности, ее постоянное региональное расширение, выход за национальные границы, освоение иных уголовно наказуемых деяний;
- использование имеющихся денежных фондов не только для увеличения масштабов совершаемых преступлений, но и для оказания финансовой помощи осужденным в ИУ, их семьям;
- планирование и конспирирование преступного поведения;
- ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности с целью противодействие правоохрнительным органам.

Изучение практики борьбы с преступными группировками показало, что все они обладают сходными признаками, которые могут служить основаниями для их классификации. Как правило, преступные группировки являются формированиями закрытого типа и противостоят любым попыткам проникновения в их среду посторонних лиц. Для этих целей, как установлено эмпирическими исследованиями, преступники применяют разнообразные приемы и способы:

- дезинформация подозреваемых в сотрудничестве с органами лиц с якобы совершенных или готовящихся преступлениях;
- характерна засекречивание связей лидеров преступной организации с представителями власти и сотрудниками правоохрнительных органов;
- тщательная проверка всех тех, кто хотел бы стать членом организации;
- проверка членов организации, отказывающихся совершать преступление, наблюдение за посетителями зданий правоохрнительных органов и (или) помещений, о которых есть подозрение, что они используются в качестве мест конспиративных встреч;
- имитация активного оказания помощи правоохрнительным органам с целью проникновения в их агентурную сеть;

- инсценировка задержания проверяемого члена группировки иными ее членами, которых он не знает, экипированными под сотрудников правоохранительных органов и провоцирование его к расшифровке;
- совместное совершение преступлений, когда проверяемому поручается наиболее ответственная роль;
- постоянное наблюдение за оперативными работниками, принимающими участие в раскрытии конкретных преступлений, а также следователями, прокурорами, судьями, народными заседателями, а также за зданиями прокуратуры, судов, милиции;
- наблюдение за свидетелями, потерпевшими, экспертами с целью сбора компромат-материалов, установления места жительства, запугивания, подкупа.

Группировки, как правило, располагают сетью своих осведомителей в различных структурах (коммерческих, финансовых, иных), которых насаждают в основном в их службы безопасности и кадровые аппараты.

Существенным обстоятельством, служащим доказательством факта наличия именно организованной преступной группировки является не только ее масштабы и направленность преступной активности, но и ее внутреннее строение (структура и иерархия), характер и четкость распределения в ней функциональных обязанностей – “ролей”.

Примерная схема распределения ролей в преступной группировке (по материалам исследования в Центральном регионе России)

Вышеприведенная схема внутренней иерархии хоть и построена на конкретных данных, достаточно типична. В иных случаях она может изменяться и дополняться.

Высшее звено преступной группировки – ее лидер, организатор (организаторы) знает всех участников преступного образования, однако контакты последних с исполнителями исключены либо ограничены и

законспирированы. Высшее звено направляет и координирует деятельность всей преступной структуры, осуществляет организаторские функции, определяет сферу преступной активности, вид совершаемых преступлений, исполнителей и пособников, зачастую представители руководящего звена преступной группировки являются дельцами “теневой” экономики, не судимы, играют заметную роль в обществе, практически недостижимы для правосудия. В другом случае руководящее звено состоит в основном из лиц, ранее судимыми, специализировавшихся в той сфере “деятельности”, какой занимается группировка.

Так называемые “помощники” не кто иные, как коррумпированные представители органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, которые, используя свое служебное положение, способствуют совершению преступлений организованными преступными структурами, снабжают последних необходимой информацией. Вывить их сложно, еще сложнее привлечь к уголовной ответственности и доказать виновность.

Руководители подразделений отвечают за конкретный участок работы, контактируют с организатором и подчиненными. Как показало изучение уголовных дел, лица этой категории могут пойти на контакт со следствием и давать признательные показания, что очень ценно, поскольку они неплохо информированы.

Участники любого из вышеперечисленных подразделений выполняют свои функциональные обязанности в зависимости от функции самого подразделения, они могут быть специалистами-профессионалами в какой-либо области (автомеханика, подделка документов, разведка, связь).

По нашим данным, непосредственные исполнители преступлений привлекаются к уголовной ответственности чаще всего, но в 60% случаев не как участники преступных сообществ, хотя и являются ими.

Также следует упомянуть лиц, время от времени выполняющих различные поручения и получающих за них определенную плату. Они не обязательно являются членами организованной преступной структуры, просто эпизодически выполняют курьерские и другие функции (например, лица, на которых оформляются документы на право владения похищенным имуществом для последующего “беспроблемного” сбыта).

Помимо ролевого разделения существенным элементом, характеризующим преступные группировки, как уже говорилось выше, служит оказание противодействия правоохранительным органам.

В настоящее время (по данным В.М.Антонова и др.) наиболее распространенными являются следующие формы и способы такого противодействия:

- сокрытие, уничтожение орудий, средств и следов преступления (44%);
- предоставление следствию ложной информации, в том числе подставных свидетелей (8 %);
- выявление свидетелей и потерпевших по уголовному делу, их адресов, а также ознакомления с их показаниями с целью подкупа и (или) запугивания, склонения их к даче “нужных” показаний либо изменения предыдущих (52 %);
- оказание давления на следствие с помощью коррумпированных связей в органах власти и управления (64 %);
- наем на средства “общака” высококвалифицированных адвокатов для членов преступной структуры, привлекающихся к уголовной (60 %).

Противодействие преступных организаций на этапе дознания и следствия заключается в сокрытии преступной деятельности и активном влиянии на ход следствия в целях заведения его в тупик, либо направлении его по сценарию, устраивающему лидеров преступного формирования.

Обобщение оперативно-розыскной, следственной и судебной практики показало, что основу криминальной тактики противодействия преступных группировок составляют следующие меры:

- организующие преступную деятельность (создание преступной организации; сбор сведений, позволяющих определить варианты преступного поведения, способы совершения преступлений; планирование преступных акций) – 65,4 %;
- направленные на обеспечения технического превосходства криминальной структуры над правоохрнительными органами – 22 %;
- обеспечивающие маскировку преступной деятельности – 6,5 %;
- действия, направленные на создание эффективных систем контактов в органах власти и управления для обеспечения гарантий защиты своих интересов и безопасности членов организованных преступных структур – 51 %;
- действия, направленные на захват экономической и политической власти в регионах – 7 %;
- силовое давление на часть общества, у которой сформировалось уважение к праву и правопорядку, на органы государственной власти и управления, в функции которых входит защита прав и свобод граждан – 27 %.

Принятие решения о совершении преступлений в определяющей степени зависит от объема тайно собранной преступниками информации, ее качественной стороны, подтверждающей как возможность успеха при совершении преступной акции, так и исключающих возможность изобличения.

Исходя из этого, к числу мер, применяемых организованными преступными структурами на стадии подготовки к совершению преступлений, на основании проведенных выборочных исследований, относятся:

- выявление условий, благоприятных для преступной деятельности, таких как неудовлетворительное техническое состояние объектов хранения материальных ценностей и их охраны, наблюдение за объектами

преступления в целях изучения системы охраны, проверки времени прибытия милиции после ее срабатывания, путей подхода и отхода и т.д. (64,7 %);

- проникновение на объект преступного посягательства под надуманным предлогом с целью его изучения и осмотра ценностей, которые намечаются для хищения (часто это делается под видом работников пожарной охраны, других контролирующих ведомств) (40 %);
- установление непосредственных и опосредованных контактов с намеченными жертвами преступлений с целью изучения их образа жизни, привычек, увлечений, времяпрепровождения и т.п. (28 %);
- осуществление подготовительных действий, облегчающих совершение преступлений (например, распили решеток на окнах и его маскировка, выведение из строя охранной сигнализации, подыскание и оборудование места засады (укрытия) исполнителя преступной акции (24 %);
- тщательный подбор исполнителей, выработка линии их поведения на случай провала, подготовка алиби, подыскание средств маскировки внешности, специальной форменной одежды (24 %).

Проведение названных подготовительных действий в большинстве случаев позволяет осуществлять преступную акцию за короткое время с минимумом помех и неожиданностей и беспрепятственно скрыться с места преступления наиболее безопасным путем. Этому весьма способствует осведомительная информация из правоохранительных органов в организованные преступные структуры через коррумпированность сотрудников.

Процесс коррумпирования организованными преступными группировками сотрудников правоохранительных органов находится в постоянной динамике:

- на первом этапе – подкуп должностных лиц этих органов как способ вовлечения их в преступную группировку;

- на втором этапе – использование служебного положения коррумпированных должностных лиц для решения задач по оказанию противодействия правоохранительным органам;
- на третьем этапе преступные группировки под покровительством коррупционеров и безнаказанное совершение преступлений в течение длительного времени.

Преступные формирования постоянно ведут работу по склонению к сотрудничеству работников правоохранительных органов, в том числе имеются попытки вербовки последних на компрометирующих материалах, попытки подкупа непосредственно и через третьих лиц. Реже (в 20-25 % случаев) применяются такие формы воздействия как запугивание, дискредитация, угроза физического уничтожения. Возможно одновременное использование тех и других форм.

Изучение эмпирических данных об организованной преступности позволяют говорить о некоторых весьма опасных тенденциях ее развития, от определенных усилий ее лидеров, направленных на то, чтобы:

- добиться легализации преступных сообществ в официальных коммерческих структурах и государственных органах власти;
- консолидироваться и создать из мелких преступных групп крупные, основанные на жесткой дисциплине и подчиненности преступные сообщества;
- формировать транснациональные преступные сообщества, пренебрегая государственными организациями;
- устроить процесс полной отстраненности лидеров преступных сообществ от совершения конкретных преступлений, оставив за ними общее руководство, определение стратегии;
- способствовать переходу организованной преступности к новому качественному состоянию – противозаконным финансово-промышленным и

- банковским синдикатам, контролирующим финансово-инвестиционную, экономическую и кадровую политику на определенной территории;
- усилить влияние криминальной инфраструктуры в административно-территориальных единицах, подчинив ей социальную и экономическую жизнь в регионах;
 - создать мощные этнические преступные организации;
 - развивать новые формы коррумпирования государственного аппарата (выборы и назначение лидеров преступных организаций, их доверенных лиц, политизация преступных формирований, манипулирование средствами массовой информации);
 - укрепить связи с террористическими организациями, в первую очередь путем незаконного оборота оружия, а также их финансирования с тем, чтобы можно было использовать помощь последних.

Как можно заметить, многие из перечисленных тенденций противоречат друг другу, причем можно наблюдать конфликты и стратегий, и тактика. Так, создание мощных этнических преступных группировок может не соответствовать движению к крупным формированиям, тем более транснациональными, а также доминированию в регионах. Укрепление связей с территориальными организациями может идти вразрез с желанием добиться легализации преступных сообществ и созданию незаконных банковских синдикатов. Подобные противоречия необходимо все время выявлять и использовать в борьбе с экономической преступностью.

3. Особенности личности и типология лидеров преступных организаций

Лидерство в организованной преступной группе представляет собой сложное, неоднозначное социально-психологическое явление. Эмпирическое изучение позволило в общем виде констатировать, что оно тесно связано с иерархией в системе неформальных отношений, жестко обусловлено бытующими в преступных организациях нормами (правилами) поведения осужденных и отношений между ними. Неформальное лидерство достаточно мобильно даже в местах лишения свободы,

механизм его формирования зависит от возникновения и распада различных более мелких групп, объединяющихся по неформальным основаниям.

Лидер - это член группы, который спонтанно выдвигается на роль неофициального руководителя в условиях определенной, специфической и, как правило, достаточно значимой ситуации, чтобы обеспечить организацию совместной, коллективной деятельности людей для наиболее быстрого и успешного достижения общей цели.

В связи с этим можно выделить следующие моменты: - лидер не прямо выдвигается преступной группой на соответствующий пост, а спонтанно занимает лидерскую позицию с открытого или скрытого согласия группы;

- лидер выдвигается на роль неофициального руководителя, а, следовательно, с его личностью идентифицируется специфическая и не исчерпываемая системой официально общепринятых значений групповых норм и ценностей;
- лидер выдвигается на соответствующую роль в условиях не только специфической, но всегда достаточно значимой для жизнедеятельности группы ситуации. Названная значимость носит жесткий характер в силу того, что группа (организация) находится в постоянном конфликте с государством и обществом.

В структуре межгрупповых и межличностных связей лидерство целесообразно охарактеризовать отношениями доминирования и подчинения, обусловленными как действием общечеловеческих социально-психологических закономерностей, так и спецификой условий функционирования сообществ, в том числе в местах лишения свободы, существованием там неформальных норм и правил. Первостепенное значение имеют при этом социально-психологические и индивидуальные качества лидера, его соответствие этой роли. Поэтому лидера преступной организации можно представить как члена группы определенной направленности поведения, за которым она признает право на руководство и принятие окончательного решения в значимых для нее ситуациях. Можно сказать, что лидер столь же нужен группе, сколько и она нужна ему для проявления организаторских и иных психологических особенностей и

тенденций. Эмпирические исследования в местах лишения свободы позволили четко зафиксировать подобную взаимозависимость.

Особо опасный лидер не просто лицо, которое в соответствии со своим неформальным статусом и некоторыми индивидуальными характеристиками занимает ведущее положение (роль) в организации группового противоправного поведения. Это - всегда наиболее опасный преступник, занимающий наивысшую ступень в иерархии организации правонарушителей и пользующийся наибольшим авторитетом среди них. Такой статус он сохраняет и в местах лишения свободы. Поэтому его можно назвать лидером-профессионалом. Мотивация его противоправного поведения обуславливается остро конфликтными отношениями с обществом в целом, неприятием его ценностей, отчуждением от социальных институтов и позитивных микрогрупп (семьи, трудовых коллективов и т.д.). Не случайно до 90 % особо опасных лидеров не имеют семью. Такая мотивация в исправительных учреждениях определяет активное противодействие существующим нормам отбывания наказания и соответствующим усилиям администрации, выражаясь в систематических действиях по укреплению своей группировки и созданию общественно опасных ситуаций в ИУ и за ее пределами. Отметим, что такое поведение в колонии является частным проявлением общего социального и социально-психологического отчуждения особо опасных лидеров от общества.

Особо опасные лидеры составляют специфическую криминальную прослойку в среде осужденных. Поэтому, чтобы борьба с ними была успешной, необходимо знать не только психологические особенности каждого и поведение, но и неофициальные обязанности (функции), которые реализуются в поведении, цели этого поведения, а также причины и условия, способствующие противоправному поведению указанных лиц и возглавляемых ими группировок. В частности, очень важно учитывать обычаи и традиции преступной среды, недостатки в деятельности администрации исправительных учреждений, а также упущения в правовом регулировании.

Прежде чем рассматривать общие личностные характеристики лидеров-профессионалов, необходимо классифицировать их, поскольку они достаточно

неоднородны по своим криминологическим, уголовно-правовым и психологическим характеристикам, как неоднородны и возглавляемые ими группировки.

По данным проведенного исследования, обращает на себя внимание существование среди них так называемых “старых” лидеров, которые придерживаются традиций и обычаев, бытовавших в криминальной среде еще в 50-60 годы и сохранившихся до настоящего времени. Это, как правило, лица старших возрастов (свыше 40 лет), имеющие значительный преступный опыт, много судимостей, незапятнанную, с точки зрения преступников, репутацию, высокий авторитет среди них. Основным принципом жизнедеятельности у них является принцип существования только за счет совершения преступлений, взаимоподдержки. Причем допустимыми считаются лишь тайные похищения имущества, в исключительных случаях ограбления.

Особо опасные лидеры данной категории часто с нескрываемым порицанием относятся к таким видам преступной деятельности, как мошенничество и иные виды обмана. Сходного отношения заслуживают преступления, связанные с вымогательством у лиц, имеющих значительные доходы. Неприемлемым считается отсутствие всяческого риска при “захвате” материальных средств, а также минимальность прикладываемых усилий. “Старые” лидеры всемерно поддерживают идеи о “воровской справедливости”, равенстве и честности в отношениях между преступниками, стремятся сплотить их в противоборстве с правоохранительными органами и администрацией мест лишения свободы и, главное, в борьбе с теми, кто, причисляя себя к соответствующим группировкам, тем не менее нарушает, по их мнению, “воровские” нормы и правила поведения.

Другую группу составляют так называемые “новые” особо опасные лидеры. Это не только молодые в своем большинстве лица, но и характеризующиеся несколько иными взглядами на способы преступной деятельности и соответствующим поведением.

Они появились в начале 80-х годов в связи с активизацией преступной деятельности различного рода расхитителей, спекулянтов, взяточников и т.д., возникновении подпольных предприятий по изготовлению неучтенной продукции. Некоторые “авторитеты” преступной среды увидели в этом возможность безнаказанного паразитирования, получения легкого доступа к материальным благам.

В результате многие преступники, особенно в регионах Закавказья и Средней Азии, путем шантажа, угроз разоблачения, физического насилия и т.п. вынудили расхитителей систематически передавать часть нетрудового дохода в свою пользу. В последующем лица, совершающие хищения, получили даже выгоду от подобных отношений, поскольку особо опасные лидеры начали оказывать им помощь в транспортировке похищенного, его охране, сбыте и т.д. Причем расхитители, как показывает изучение, предпочитают иметь дело именно с особо опасными лидерами, стремятся не расширять круг подобных контактов. Это стабилизирует финансовые отношения, дает им некоторые гарантии безопасности, обеспечивает необходимую защиту, в первую очередь физическую, от тех, кто еще попытался бы заниматься в отношении их вымогательством и шантажом.

С учетом сказанного, объясняется то обстоятельство, что среди преступников интерес к обретению статуса особо опасного лидера значительно возрос. К нему стали стремиться и те, кто с позиций криминогенной среды не имеет на это права, в частности, лица молодежного возраста. Пытаясь обойти эти препятствия, они иногда с помощью денег подкупают других особо опасных лидеров, в первую очередь “старых”, чтобы последние признали за ними искомое положение. Это создает определенную кооперацию между “старыми” и “новыми” и в то же время приводит к расколу первых.

Но, тем не менее, разногласия и конфликты между двумя названными категориями преступников остаются, хотя теперь “старых” осталось меньше. “Старые” отстаивают необходимость добывания материальных благ с помощью тех преступлений, о которых мы говорили выше. Поскольку же значительную часть своей жизни они находятся в местах лишения свободы, то в большей степени, чем “новые”,

стремятся создать там себе “щадящие условия”. Поэтому такие лица стараются поддерживать “справедливые” взаимоотношения среди осужденных, не допускать тяжких преступлений, явных конфликтов с администрацией ИУ и одновременно обеспечивать строгое соблюдение другими неформальных правил и традиций.

Преступные организации, особенно транснациональные, как правило, возглавляют “новые” особо опасные лидеры. “Новые” пребывание в ИУ зачастую рассматривают лишь как досадный эпизод в жизни. Поэтому они чаще нарушают упомянутые нормы, чаще конфликтуют, больше занимаются поборами и притеснениями других осужденных, что ведет к недовольству основной массы последних, к потере авторитета лидера и, естественно, вызывает недовольство “старых”.

Возвращаясь к вопросу о характере преступного поведения представителей той и другой категории, отметим: если “старые” чаще совершают имущественные преступления с небольшим материальным ущербом (в частности, карманные кражи), то “новые” совершают более опасные деяния, похищая имущество в крупных размерах, иногда с применением насилия. Поэтому можно сказать, что “старые” опасны больше с мест лишения свободы, а “новые” - и там и тут. Эту особенность надо учитывать в борьбе с рассматриваемым явлением, особенно тот факт, что “новые” стремятся к сращиванию с расхитителями и коррумпированными чиновниками, прибегают к услугам бандитов и наемных убийц, а это значительно повышает общественную опасность их уголовно наказуемой деятельности.

Деление особо опасных лидеров на “старых” и “новых”, как легко заметить, основано отнюдь не на их возрасте, а на самом характере преступной деятельности, т.е. признаке, несомненно более важном. То, что такие группы существуют, нас убеждают и собственные наблюдения, и выводы практических работников ИУ и милиции. Другое дело, что во многих случаях можно наблюдать отступление от “правил”, когда, например, в преступный сговор с расхитителями вступают и “старые” воры.

В целом, как правило, особо опасными лидерами становятся субъекты, которые имеют высокий авторитет и пользуются влиянием среди преступников, а не только в рамках конкретного сообщества осужденных. В этой связи можно утверждать, что они являются своеобразными суперлидерами анисоциальных неформальных общностей и представляют модель или эталон “криминализированной” личности, в которой фокусируются основные ценности субкультуры преступников, а также социально-психологические и нравственные черты, детерминирующие отчужденность человека от интересов общества и положительно ориентированных социальных групп.

Длительные доверительные беседы с некоторыми особо опасными лидерами показали, что среди них и их ближайшего окружения немало лиц, утративших веру в возможность измениться к лучшему, которые отказываются предпринимать какие-либо усилия по перестройке пессимистических ориентаций на жизнь и окружающую действительность. В психологическом плане вполне осознанное неверие в возможность позитивных перемен может выступать в качестве способа, с помощью которого данный человек оправдывает свои поступки, поддерживает на достаточно высоком уровне субъективную удовлетворенность в существующих условиях. Подобные переживания и ощущения наиболее характерны для “авторитетов” старших возрастов.

Особо опасные лидеры являются “криминализированными” лицами, т.е. активными носителями наиболее стойких антиобщественных взглядов и представлений. Они в большей степени чем другие “тюремизированы”, т.е. хорошо приспособлены к условиям лишения свободы, привыкли к ним, лучше ориентируются в обстановке. Это способствует тому, что вокруг них создается (посредством формирования группового мнения) некий романтический ореол исключительности, справедливости и порядочности, притягивающий внимание других преступников, главным образом, молодежного возраста. Склонность к риску, отсутствие страха в отношениях с представителями администрации ИУ и органов внутренних дел, активное утверждение и закрепление асоциальных образов и стандартов поведения и мышления, терпимость к неблагоприятным условиям изоляции и давлению персонала,

материальная и моральная поддержка членов “своей” группы - вот факторы, которые способствуют развитию и сохранению высокого межличностного статуса в субкультуре, стимулируют выдвижение его на роль лидера неформального сообщества, а впоследствии заставляют удерживать завоеванные позиции всеми возможными способами.

Подчеркнем: особо опасные лидеры любой категории, как показали эмпирические исследования, находятся в активной оппозиции к обществу, имеют ярко выраженные антисоциальные установки, устойчивую жизненную позицию, сложившееся мировоззрение, свою “философию жизни”. Все это является результатом пережитого и особенно неблагоприятных условий формирования личности. Большинство из них отвергалось в эмоциональном плане своими родителями, которые не занимались их воспитанием, пренебрегали ими, не выполняли элементарных родительских обязанностей. Эти лица в детстве, по существу, не являлись членами родительской семьи и воспитывались в условиях отчуждения и социально-психологической изоляции от общества, его ценностей и институтов. Такой вывод можно сделать из бесед с ними и применения психологических тестов.

Другая их часть, хотя и имела необходимые эмоциональные контакты с родными, воспитывались так, что любые средства, в том числе преступные, получения материальных благ прививались им и воспринимались ими в качестве одобряемых и “полезных”. Мы подчеркиваем исключительную роль воспитания в дальнейшей жизни этих лиц потому, что, не зная таких важных обстоятельств, невозможно осуществлять воспитательную работу с ними.

Последующая жизнь тех и других, длительное преступное поведение, систематическое ведение антиобщественного образа жизни, отбывание наказаний в ИУ, постоянное общение с преступниками всемерно способствовали закреплению и углублению их антисоциальных ориентаций. Иными словами, они отчуждены от общества и его норм, позитивных групп и в то же время хорошо приспособлены к криминально-ориентированным группам и их ценностям, в целом это отчужденные, дезадаптированные личности со специфическими установками и представлениями,

что и определяет их противодействие обществу, изоляцию от него. Совершение преступлений представляет для особо опасных лидеров основной, а во многих случаях и единственный источник получения средств к существованию. В целом сказанное позволяет утверждать, что эти лидеры являются профессиональными преступниками.

Человек, вставший на путь систематического совершения преступлений в виде промысла, отказывается от общепринятых, установленных в обществе социальных норм поведения и приобретает совершенно новые, характерные для определенной антиобщественной группы. Это относится и к тем “новым” лидерам, которые возглавляют транснациональные преступные организации и стремятся внешне выглядеть законопослушными.

Преступный образ жизни вызывает у лица психологическую потребность в общении с теми, кто близок к его собственным ориентациям. В этом он находит моральные стимулы, отсюда черпает необходимый опыт, здесь видит свою безопасность. Профессиональный преступник, хотя и осознает себя таковым, внешне всячески стремится к оправданию своих действий. Связь с асоциальной средой может проявляться в посещении лицом соборщ профессиональных преступников, в поддержании уголовно-воровских традиций, неформальных норм поведения, в сборе денежных средств для оказания помощи осужденным преступникам и их семьям, в участии группировок уголовных элементов. Факультативными признаками являются знание уголовного жаргона, наличие символизирующих татуировок, клички.

В качестве иллюстрации к сказанному, в том числе и об условиях воспитания в действе, приведем следующий пример, который был изучен нами в исправительных учреждениях.

У., 34 лет, ранее судим пять раз - трижды за кражи и дважды за грабеж, “вор в законе”. В период отбывания наказания характеризуется только с отрицательной стороны. Является лидером группы отрицательной направленности, организованной для неподчинения требованиям администрации, дезорганизации ее работы и создания себе льготных условий. У. постоянно игнорирует требования режима, подстрекает

участников группировки избивать осужденных, вставших на путь исправления; в целом строго придерживается традиций и правил среди преступников. По мнению администрации, в любое время готов совершить тяжкое преступление.

У. родился и вырос в неблагополучной семье, в которой было четверо детей, он - старший. Двое других братьев в возрасте до 18 лет были осуждены за изнасилования и оба после отбывания наказания при обстоятельствах, которые ему точно неизвестны, погибли. Четвертый брат - инвалид. Ему, по словам У., случайно ножом попал в глаз один из братьев. Отец дважды судим за кражи и сбыт краденого, несколько раз во время драк был тяжело ранен, часто употреблял спиртные напитки.

У. рассказывает, что в детстве был шалуном, много дрался, за что отец его часто бил. Однажды за какую-то провинность мать бросила в него стакан и рассекла бровь, от чего шрам остался на всю жизнь. В семье не было общих интересов, семейные и иные праздники в доме почти не отмечали. Основные связи У. были вне семьи и школы, в которой он перестал учиться с восьмого класса. стал употреблять спиртное, затем наркотики, поддерживал устойчивые отношения с другими правонарушителями, чаще старшего возраста (“Все мои знакомые, соседи что-нибудь и где-нибудь воровали”), в целом вращался исключительно в криминогенной среде.

Вначале совершал мелкие кражи, затем преимущественно карманные в разных городах страны, но в основном в Тбилиси, причем, по его же словам, чаще всего похищал крупные суммы денег. Последнюю кражу совершил при следующих довольно красноречивых обстоятельствах. Освободившись из мест лишения свободы, летел через Москву в Тбилиси. И в аэропорту Домодедово попытался обворовать женщину, вытащив у нее деньги. Потерпевшая заметила его действия, и он вынужден был вернуть украденное. После этого в одном из московских универмагов вновь попытался совершить карманную кражу, но был задержан с поличным. Отметим: деньги в это время у него были и попытки краж предпринимались отнюдь не из-за материальной нужды. Свои действия У. объясняет так: “Мне, откровенно говоря, деньги не были нужны. Сам процесс кражи из кармана, это как болезнь. Украл, чтобы проверить, смогу ли украсть, так как сидел 7 лет и все это время, конечно, не воровал”.

Как мы выяснили, У. рос и воспитывался в условиях психологического отчуждения от семьи, обстановка в которой была весьма неблагоприятной для надлежащего формирования его личности. Отчуждение привело к уходу из школы, а с другой стороны - к постепенному втягиванию, а затем и вращению в неформальные группы криминогенной ориентации. В целом влияние семьи и этих групп привели к образованию в его психике устойчивых антиобщественных ориентаций и представлений, которые реализовывались в столь же устойчивом преступном поведении. Последующая жизнь способствовала его закреплению.

Необходимо отметить, что У. по своей натуре - игрок, это особенно ярко проявилось в последних эпизодах краж. Людям такого типа свойственно стремление постоянно или очень часто участвовать в различного рода сложных операциях, экстремальных ситуациях, в которых они испытывают острые ощущения, чувство риска. Это является одним из самых мощных мотивов их поведения. Лидеры преступных организаций ведут постоянную игру - с правоохранительными органами, конкурирующими организациями, даже со своим ближайшим окружением.

В беседе У. пояснил, что у особо опасных лидеров он больше всего ценит твердость слова, честность и справедливость, разумеется, своеобразно понимаемые. По его мнению, нахождение в ИУ особо опасного лидера обеспечивает там необходимый, с его точки зрения, порядок. В то же время У. отмечает, что такой лидер показывает плохой пример осужденным молодежного возраста.

В последний период пребывания в исправительном учреждении У. изменил свое поведение в лучшую сторону, однако беседа с ним убедила, что это лишь приспособление к существующим условиям, стремление поскорее освободиться из мест лишения свободы. Так, он сказал, карманные кражи будет теперь совершать редко, а вступит в сговор с расхитителями - станет помогать им транспортировать и сбывать похищенную продукцию. За это он надеется получить большое вознаграждение. В целом У. характеризуется активной оппозицией обществу и его ценностям, в первую очередь, в силу общей социально-психологической дезадаптации.

Следующий пример (изучен в исправительной колонии) также показывает наиболее характерные личностные и поведенческие черты особо опасных лидеров.

Осужденный К., 39 лет, “вор в законе”. Родился и вырос в сельской местности. В школу поступил с 7 лет. В 12 лет лишился отца, и с тех пор, по его словам, у него стали неблагоприятно складываться взаимоотношения с матерью и другими близкими родственниками. В результате углубленной беседы выяснилось, что в процессе обучения и контактов со сверстниками у К. отмечалась некоторая вспыльчивость, импульсивность поведения, приводящая к возникновению конфликтных ситуаций. Можно предположить, что в этот период у К. были трудности в плане позитивной социально-психологической адаптации в коллективе класса. По его мнению, взаимоотношения с окружающими характеризовались некоторой неуживчивостью, несовместимостью. Нередко подобные отношения складывались и в кругу семьи. Ему уделяли мало внимания, практически не занимались воспитанием. Он был предоставлен самому себе.

Был нетерпим к ограничению свободы действий и прав. Вследствие этого нередко переводился из одной школы в другую, убегал из дома. С трудом окончил 10 классов, после этого нигде не работал и не учился. Предпочитал общение в неформальной уличной компании подростков, где стремился занять место вожака. Страдал от постоянной нехватки денег. Чтобы реализовать актуальные потребности, нередко неадекватные его положению, начал совершать кражи. Одна из попыток окончилась неудачей, и К. был доставлен в милицию. Однако, как следует из его высказываний, “все сошло с рук” и “я быстро забыл об этом досадном случае”. Контакт с правоохранительными органами не стал тормозом его асоциального поведения. Напротив, согласно его мнению, “вселил некоторую уверенность в удачу”, что и стимулировало его дальнейшую преступную активность. В 1979 году был осужден за кражу личного имущества. В ИУ поведение обуславливалось четко выраженной антисоциальной обстановкой. Он постоянно нарушал правила внутреннего распорядка, систематически отказывался от работы, уклонялся от участия в воспитательных мероприятиях. Как результат - осужден за преступные действия, на

сей раз совершенные в местах заключения. Освободился в 1984 году. После освобождения нигде не работал. Очевидно, жил на средства, полученные от совершения преступлений. Стал употреблять наркотики (гашиш). Это, по его словам, сопровождалось неприятными эмоциональными и соматическими переживаниями, что в дальнейшем и послужило причиной отказа от них.

В 1985 году вновь осужден - за нарушение правил безопасности дорожного движения, повлекшее смерть потерпевшего. В ИУ характеризовался крайне отрицательно. Неоднократно водворялся в ШИЗО, ПКТ, переводился из одной колонии в другую. В связи с ухудшением здоровья находился в больнице, где симулировал психическое заболевание. Был направлен на принудительное лечение в психбольницу общего типа по месту жительства.

В 1991 году совершил новое преступление. Путем шантажа и физического насилия вымогал у потерпевшего крупную денежную сумму. В период следствия проходил стационарную экспертизу и был признан психопатической личностью, но вменяемым. Осужден на 9 лет лишения свободы. Во время отбывания наказания характеризовался отрицательно во всех сферах деятельности. Согласно данным администрации ИУ, группировал вокруг себя осужденных с антисоциальной направленностью, конфликтовал с персоналом. Неоднократно подвергался дисциплинарным наказаниям, но положительных перемен в его поведении не происходило. Пытался установить нелегальную переписку с лицами, причисляющими себя к особо опасным лидерам и отбывающими наказание в других ИУ. Поведение демонстративное, нередко нарочитое, с проявлением стереотипных реакций. Во время бесед разговаривает тихим голосом, избегает доверительного общения. На вопросы отвечает избирательно, часто уходит от тем разговора, касающихся его участия в деятельности неформальных сообществ преступников.

Заявляет, что он “честен и справедлив” во взаимоотношениях с осужденными. Отмечается завышенная самооценка и неадекватный уровень притязаний. Эмоционально неустойчив. Фон настроения явно снижен. Нередко старается вызвать к себе сочувствие со стороны администрации. Речь последовательна, суждения

логичны. Интеллект соответствует возрасту (согласно ранее проведенным обследованиям психиатров). В беседе, касающейся настоящего и будущего, говорит односложно, часто старается уклониться от правдивых ответов. Окружающий мир предпочитает воспринимать как “враждебный и агрессивный”. Преувеличивает принцип справедливости, якобы являющийся основным во взаимоотношениях “настоящих” преступников. Это, по всей вероятности, приводит его к проявлению обостренных реакций в ответ на те или иные требования (особенно слабо аргументированные) со стороны представителей администрации и актива осужденных.

У К. наблюдается трансформация представлений как относительно своей личности, так и окружающих. Она, очевидно, обусловливается длительным пребыванием в местах лишения свободы и активным участием в преступных неформальных сообщениях.

Так, например, согласно его высказываниям, он стал более категоричен в суждениях относительно тех или иных явлений действительности, проявляет большую нетерпимость к нарушениям неписаных правил поведения, доминирующих в преступной среде. Утверждает, что у него не может быть иных друзей, кроме своего “братства”. В беседе настойчиво подчеркивает, что “ничего не изменится к лучшему в его судьбе” и он “вряд ли сможет нормально жить и трудиться на свободе”, т.е. быть таким, как все. Вполне понятно, что отсутствие перспектив на дальнейшую жизнь, устойчивость антисоциальных установок являются для К. мощными факторами, сдерживающими процесс исправления и перевоспитания.

И У., и К., несомненно, являются профессиональными преступниками, причем в местах лишения свободы К. представляет собой большую общественную опасность, чем У. К. постоянно конфликтует с окружающими, нарушает режим. Поведение У. в ИУ более пластично, он лучше адаптирован и стремится избегать явных конфликтов.

Для практических нужд необходимо детально знать индивидуально-психологические особенности особо опасных лидеров, в том числе те, которые

проявляются в период отбывания наказания. Для этих лиц характерны такие черты, как отгороженность от среды общения и тревожность, сочетание которых формирует психологическое своеобразие их личности и поведения.

Как показало психологическое изучение, в частности с помощью теста ММРІ и индивидуальных бесед, особо опасных лидеров отличает от других преступников активность нормативного самоконтроля: они больше других постоянно сопоставляют свои действия с неофициальными, в первую очередь, антиобщественными нормами и правилами среды осужденных, жестко и последовательно подчиняют им свое поведение. Устойчивость такого стереотипа поведения обуславливается большей, по сравнению с другими, легкостью усвоения указанных норм и правил в силу собственного социального опыта и индивидуальных особенностей. В основе этой устойчивости лежит их повышенная чувствительность к абстрактным образованиям (например, к таким своеобразно понимаемым, как “долг” или “совесть”). Эти образования принимают форму норм и правил. Так формируется особая приверженность лидеров-профессионалов неофициальной нормативной системе, которая в определяющей степени мотивирует, стимулирует их поведение. Поэтому данная система из внешнего регулятора отношений между членами группировки с другими осужденными превращается в средство самовыражения отдельной личности в ней. Лица, поведение которых в наибольшей степени определяется неофициальными ценностями, выделяются среди остальных.

Однако этого недостаточно, чтобы стать лидером, как недостаточно, хотя и очень важно, одного наличия организаторских способностей. Поэтому отметим еще одно их качество, которое было выявлено с помощью ряда психологических методик. Занять роль лидера им помогает типичная для них эмоциональная холодность, проявляющаяся в безразличии к субъективным стремлениям, переживаниям, интересам других, событиям повседневной жизни, если эти переживания, интересы или события не связаны с нарушением неформальной антиобщественной системы ценностей. Так, ранение одного из сообщников оставит равнодушным особо опасного лидера, даже если он внешне выразит сочувствие. Однако, если тот же человек

присвоит деньги, принадлежащие группировке, это вызовет активную заинтересованную реакцию со стороны лидера, вплоть до наказания виновного.

Эмоциональная холодность и отчужденность определяют жесткий характер взаимоотношений с другими осужденными. В силу этого контакты с последними формальны, неформальные связи ограничены ядром руководимой лидером группировки. В пределах норм субкультуры осужденных лидеры обычно бескомпромиссны, точны и обязательны, негибки. В то же время они жестко подчиняются своим обязанностям лидера. Можно высказать предположение, что в отдельных случаях они тяготеют этими обязанностями, постоянно требующими значительных усилий, воли и собранности. Однако им трудно, а по большей части и невозможно, оказаться от них как в силу субъективных тенденций, так и из-за боязни потерять свой статус и связанные с ним привилегии.

С указанной обязанностью связано и то обстоятельство, что особо опасные лидеры крайне редко подвержены эмоциональным срывам, сдержанны, расчетливы и проницательны, способны к аналитическому расчету шансов на успех. Они склонны к интригам с другими лидерами, но в случае появления нового и более сильного лидера отдельные из них могут подчиниться ему. В этом смысле они конформны. Можно предположить также, что эмоциональная холодность обуславливает и отсутствие идентификации особо опасных лидеров с другими людьми.

Идентификацию можно определить как внутренний механизм взаимопонимания, в данном случае на уровне группы, способность каждого ее члена принимать на себя роль другого. Однако это взаимопонимание не должно оставаться только на уровне знания другого и его потребностей, но и сочувствия, сопереживания ему. Идентификация неразрывно связана с коммуникацией, ибо только вообразив себя на месте другого, человек может догадаться о его внутреннем состоянии. На идентификации основывается одна из главных функций группы - формирование у ее членов способности учитывать в своем поведении интересы других людей, общих целей и ценностей.

В группировках, возглавляемыми особо опасными лидерами, есть, разумеется, общие интересы, ценности и цели, но при этом отношение лидеров к другим, основываясь на механизме жестокого подчинения, не предполагает идентификации с ними. “Другие”, в том числе члены группировки, в силу отсутствия идентификации, эмоциональной близости, воспринимаются, образно говоря, не как “живые” личности, а лишь в аспекте того, соответствуют они или нет предписанной роли. Это порождает явление имперсонализации, особенно четко проявляющаяся, как показало конкретное изучение, в эмоционально острых ситуациях. Тогда человек воспринимается и оценивается только с указанных позиций, в аспекте его способности реализовать в своем поведении ролевые ожидания; не принимаются во внимание его субъективные, интимные переживания, чувства, влечения и интересы. В таких отношениях эмоциональная теплота выхолащивается, но достигается стабильность, неуклонное следование групповым целям. Это особенно важно для особо опасного лидера и его группировки, поскольку им приходится действовать в неблагоприятных, “враждебных” условиях, встречая противодействие. Причем это противодействие не только материальное, физическое, но и духовное, идеологическое, психологическое, реализуемое путем претворения в жизнь социально-одобряемых ценностей и норм.

Эмоциональная отчужденность особо опасных лидеров воспринимается со стороны как отсутствие личной заинтересованности и гарантия объективной оценки происходящего. Действительно, если смотреть глазами членов преступных организаций, то предлагаемые лидерами оценки поведения, в том числе нарушающего общепринятые нормы, кажутся объективными, поскольку, во-первых, основываются на формальном его анализе, игнорируя эмоции, чувства и личные причины других, и, во-вторых, исходят из якобы принятой всеми, а значит, понятной, известной нормативной системы. Тем самым лидерам придается роль регулятора отношений между преступниками.

Изложенное позволяет сделать вывод: психологические особенности личности особо опасных лидеров способствуют тому, что их отождествляют с неофициальной нормативной системой регуляции поведения, видят в них надежных “носителей” этой

системы. Следовательно, последняя приобретает в лице особо опасного лидера персонифицированную форму, которая оказывается определяющей в отношениях внутри и между группами организованных преступников, а в местах лишения свободы - и многих других.

В межличностном общении особо опасных лидеров также характеризует подчеркнутый внешний вид, собранность, своего рода представительность, доступность только для узкого круга, последовательность поведенческой линии и в отношении других преступников, и в отношении сотрудников ИУ, которая соответствует неформальным нормам. В противоправной деятельности отмечается личная корысть, неуважение, пренебрежение к осужденным, занимающим низкую ступень в неформальной иерархической структуре.

Этим лидерам свойственны устремления к личному успеху, на который они, собственно, и ориентированы, к расширению опыта противоправного поведения, активному участию в формировании норм - правил субкультуры преступников. При решении вопросов, затрагивающих интересы своей группировки (например, дележа похищенного), они стремятся к укреплению личной власти и созданию материальных основ собственного существования. Значительное внимание многие из них уделяют своему здоровью и физическому состоянию, а отдельные - и некоторому внешнему виду.

Представители рассматриваемой категории являются неплохими организаторами, учитывают в своих целях потребности и интересы различных групп преступников, их настроение. Внимательно следят и за поведением сотрудников правоохранительных органов, используют в корыстных целях их промахи и ошибки. Более того, они систематически собирают информацию о жизни таких лиц, являются инициаторами распространения о них негативной информации, различных слухов.

Наиболее важным в условиях отбывания наказания эти лица признают получение доступа к средствам жизнедеятельности, контролю за ними. В этом плане их отличает целеустремленность, сдержанность, настойчивость, смелость,

самообладание. Им присуще умение вовлекать осужденных в противоправную деятельность прямыми и косвенными способами, они заботятся о подготовке не только соучастников, но в нужных случаях и “замены”.

4. Функции лидеров преступных организаций

Функции особо опасного лидера заслуживают специального освещения. Они связаны не только с организацией противоправной деятельности группировок, но и с вопросами подбора их членов, подготовки последних в совершению преступлений. В самом общем виде смысл функции лидера в том, чтобы знать, поддерживать, претворять в жизнь и строить поведение, свое и других преступников, в соответствии с неписаными, в основном антиобщественными нормами и правилами, наказывать или поощрять за их нарушение или соблюдение. Без этих норм и соответствующих функций нет и особо опасного лидера.

Можно выделить следующие основные функции лидеров: информационную, организаторскую, нормативно-регулирующую и принятия решения. Все их противоправное поведение представляет собой реализацию этих функций, что мы исследовали в условиях свободы и исправительных учреждениях.

Информационная функция заключается в сборе, анализе и оценке сведений (новых правил, данных о конкретных лицах, событиях и т.д.), необходимых для регулирования внутри- и межгрупповых процессов и реализации противоправной деятельности группировки. Основной признак этой функции - стремление лидера к целевой сплоченности сообщества.

Организаторская функция складывается из планирования и распределения обязанностей, а также контроля их выполнения членами преступной организации.

Основное назначение этой функции - распределение поручений, определение доли участия каждого в групповой деятельности и вознаграждения за нее.

Частью организаторской функции является функция принятия решения в тех или иных ситуациях, а также принятия лидером ответственности (якобы перед сообществом, а на самом деле лишь перед своим ближайшим кругом) за правильность решений, их соответствие нормам и правилам, распространенным среди преступников. Строгое выполнение всеми принятого решения способствует укреплению позиций лидера.

Так, признанный в среде осужденных “авторитет” В., стремясь избежать конфликтов с администрацией, принял решение о том, чтобы любые споры между осужденными разрешались без применения физической силы. Виновники должны были нести суровое наказание вплоть до изгнания из группировки и значительного снижения социального статуса. Затем В. инспирировал конфликт, который привел к ссоре и драке между двумя осужденными. Оба “провинившихся” были наказаны. В результате они утратили свое прежнее неформальное положение. Таким образом В. продемонстрировал всему окружению, что принятое им решение непоколебимо и что никто не может ожидать снисхождения за невыполнение его предписаний.

В исправительных учреждениях, на собраниях лидеров, например, принимаются решения в отношении конкретных лиц, обычно из числа осужденных, о проведении мероприятий в отношении администрации, о расходовании общих денежных средств и т.д.

Нормативно-регулирующая функция лидера состоит в распространении и укреплении идеологии и норм поведения криминальной среды, защите интересов группировки, в ряде случаев и других осужденных, регулировании взаимоотношений между ними в соответствии с их неформальным положением, правилами поведения в среде и в отношениях с администрацией ИУ. Надо отметить, что особо опасные лидеры приписывают себе функции защиты всех осужденных, что служит укреплению их авторитета, цементированию группировки.

Выделим еще две частные функции, носителем которых лидер представляется не только участникам группировки, но и многим, а подчас и большинству осужденных. Знание этих функций обязательно для развенчания лидеров в целом для успешной борьбы с данным явлением. Если администрация исправительного учреждения сможет взять названные, весьма трудные, функции на себя, то тем самым в значительной мере лишит особо опасных лидеров их реальной, хотя и неофициальной, власти и влияния.

Первую условно можно назвать функцией “справедливости”. Это означает, что в глазах других особо опасный лидер является носителем справедливости и в соответствии с их ожиданиями якобы способен по справедливости, а в сущности в соответствии с неофициальными правилами его преступной среды, претендующими на всеобщность, решить сложный и важный вопрос, разрешить конфликтную ситуацию и т.д. Его решение приобретает значение обязательности.

Реализации функции “справедливости” в немалой степени способствует то, что характер многих конфликтов между осужденными не позволяет им обратиться за помощью к администрации. А то решение конфликта, которое может предложить администрация, не может удовлетворить конфликтующие стороны, так как зачастую не соответствует господствующим в их среде традициям. Например, при оскорблении одного осужденного другим администрация ИК вправе наказать обидчика своей властью, но это в нормах уголовной среды не может рассматриваться как приемлемое удовлетворение для обиженного. В таких случаях найти и осуществить удовлетворительную с их точки зрения форму разрешения конфликта может особо опасный лидер. Разумеется, администрация не должна идти на поводу у осужденных.

Вторую из названных функций можно обозначить как функцию “поддержки”. Она реализуется в том, что нуждающиеся в поддержке и помощи, даже чисто психологической, могут обратиться к лидеру и получить ее в виде совета, реже - реальной помощи и т.д.

Носителями идеи “справедливости” лидеры являются и в условиях свободы. В поисках справедливости к ним могут обращаться как преступники, так и обычные граждане. Последние это делают в случаях, когда не могут рассчитывать на помощь и поддержку властей, на решение их вопроса по справедливости. Это может быть месть обидчику и возвращение долга. В осуществлении этих функций особо опасные лидеры крайне заинтересованы, так как это поднимает их авторитет, служит распространению и укреплению идеологии и норм, которых они придерживаются. Разумеется, обе функции могут быть реализованы лишь при условии доверия к названным преступникам.

Можно выделить еще одну функцию лидера - стратегическую. Она заключается в том, что преступная организация живет его идеями, осуществляет его планы и замыслы. Лидер лучше других видит цели и задачи, возможности группы, прогнозирует вероятные трудности, определяет будущие направления преступной деятельности, изменения в персональном составе, пути использования добытых ценностей, денег и т.д. Вместе с тем стратегическая функция должна включать в себя и, так сказать, тактическую, т.е. не только определение общей стратегии (“что делать”), но способы и методы достижения целей и задач группировки (“как делать”).

Перечисленные функции определяют поведение особо опасных лидеров и в ИУ, а в зависимости от стиля лидерства и сплоченности группировки можно говорить о более организованном или менее организованном руководстве ею. Менее организованное руководство имеется, если во главе группировки стоит не единоличный лидер, а лидирующее ядро осужденных (обычно 2-3 человека), между которыми существует распределение функций (организационная, информационная, нормативно-регулирующая и др.) по поводу совместных противоправных действий. При таком руководстве, как показали эмпирические исследования в местах лишения свободы, неизбежны конфликты между членами лидирующей верхушки, особенно когда идет речь о личном авторитете или распределении материальных средств, в том числе полученных нелегальным путем. Во втором случае, при более целенаправленном характере руководства группировкой, в ней главенствует

единолично особо опасный лидер, жестко подчиняющий себе входящих в нее осужденных.

Другим обобщенным показателем взаимоотношений в рассматриваемых группировках преступников и содержания лидерства является стиль общения лидеров между собой и с другими членами группировки. Под стилем здесь понимается устойчивая система способов подчинения других своему влиянию. В этом смысле стили можно разделить на гибкие, жесткие и смешанные. Каждый из них указывает на соответствие используемых лидерами способов общения характеру отношений между преступниками в группировке в ИУ или в преступной организации в условиях свободы.

Так, лидеров с гибким стилем общения, характерным для “новых”, отличает хорошая ориентация в ситуациях и точная оценка других людей, их возможностей, готовности к противоправной деятельности и места в ней. Такие лидеры умеют строить отношения, понимают эмоциональные состояния тех, с кем они контактируют, в то же время умеют контролировать собственные эмоции.

У лидеров с жестким стилем общения иногда отсутствует достаточная для достижения целей оценка своего поведения и поведения преступников, входящих в группировку в ИУ или преступную организацию. Жесткие, повторяющиеся способы подчинения других лиц обуславливают не только содержание их общения с ними, но и стереотипность собственного противоправного поведения. Многие из них как бы специализируются на совершении лишь определенного рода противоправных действий, например, вымогательстве денежных средств, сбыта наркотиков, причем одним и тем же способом. Такой стиль не позволяет им вовремя реагировать на изменения ситуации, а это может приводить к тому, что возглавляемая ими организация займет подчиненное положение среди других подобных объединений.

При смешанных стилях лидерства сочетаются гибкий и жесткий, но может преобладать один из них. Преступные организации, в которых доминирует подобный

стиль, как правило, неустойчивы, авторитет лидера невысок, и он рискует лишиться своего положения, если колебания в стиле руководства часты.

Вся преступная активность особо опасного лидера должна осуществляться с наибольшей конспирацией, так сказать, чужими руками, без негативных последствий для него со стороны правоохранительных органов, в противном случае его поведение может быть оценено другими лицами того же статуса как неудовлетворительное. В исправительных учреждениях удалось установить следующие обязанности лидеров неформальных группировок осужденных:

- организация каналов проникновения в ИУ запрещенных предметов, а также налаживание незаконных связей с работниками ИУ (в том числе и с помощью подкупа);
- выявление осужденных, которых можно эксплуатировать для пользы группы, выбор способов для решения такой задачи;
- организация сбора средств среди осужденных для собственных нужд (и контроль за ним), попыток подкупа сотрудников ИУ, материальной поддержки лиц, содержащихся в ШИЗО и ПКТ и отправляемых на тюремный режим, встреч с ними. Принятие решений по поводу расходования средств из общей кассы;
- контроль за поступлением и распределением в среде осужденных продуктов питания, одежды, денег, наркотиков, спиртных напитков и т.д., пересылка их лидерам, содержащимся на тюремном режиме, в больницах;
- активная пропаганда “воровской идеологии” и контроль за исполнением по возможности всеми осужденными неформальных традиций и норм “воровской морали”, принятие в связи с этим карательных мер;
- организация противоборства администрации, направленного на ослабление режима (сокращение рабочего времени, улучшение питания, ослабление карательно-воспитательных мероприятий и т.д.);
- осуществление контроля над конфликтными ситуациями и их разрешение;
- организация азартных игр;

- компрометация осужденных, которые сотрудничают с администрацией, а также особо требовательных представителей администрации;
- определение неформального статуса конкретным осужденным, контроль за этой стороной жизни, поддержание структуры среды осужденных и особенно возглавляемой им группировки;
- определение тактики и организация “контрразведывательной” деятельности в первую очередь в отношении администрации ИУ;
- контроль за производством запрещенных предметов (ножей, украшений, авторучек, чеканок и т.д.);
- решение вопроса о необходимости массовых выступлений осужденных;
- организация жалоб осужденных на “тяжелые” условия отбывания наказания в ИУ;
- решение вопросов об изменении тех или иных норм и традиций локального, местного характера;
- участие в сходках регионального характера, часто с помощью симуляции того или иного заболевания с последующим попаданием в больницу;
- оказание влияния на трудовое и бытовое устройство конкретных осужденных.

Рассмотрим более детально отдельные функции и обязанности особо опасных лидеров в исправительных учреждениях.

Перед ними, в частности, стоит задача организации нелегальной переписки как внутри учреждения, так и между исправительным учреждением и преступниками, находящимися на свободе. Цель такой переписки - обмен между особо опасными лидерами сведениями инструктивного, координирующего, консультативного и информационного характера.

Так, могут быть отправлены или получены сообщения о необходимости расправы с конкретными лицами, организации антиобщественных акций, прекращении тех или иных действий, нежелательных для преступного сообщества и т.п. В целом ряде случаев переписка такого рода позволяет особо опасным лидерам

одобрить или получить одобрение намерений, конкретных действий, согласовать проведение совместных мероприятий, сформировать представление о лицах, претендующих на особый статус в среде преступников, сообщить о конкретных региональных перемещениях лидеров преступной среды, происшедших изменениях в их неформальном положении и т.д.

Подобное взаимоформирование является одним из основных условий соорганизованности криминальной среды мест лишения свободы. В экстренных случаях с помощью нелегальной переписки особо опасные лидеры пытаются (часто безуспешно) организовать внутри- и даже межрегиональные сходки, используя возможности направления в другие ИК, тюрьмы, специализированные больницы.

Важным моментом жизнедеятельности особо опасных лидеров в ИУ является организация проникновения туда запрещенных предметов и веществ и контроль за их распределением. Такая деятельность, с одной стороны, удовлетворяет потребности лидеров и ближайшего окружения, превышающие допустимые в рамках установленных режимных ограничений, с другой, обеспечивает престиж среди основной массы осужденных. Обычной формой реализации рассматриваемых функций является установление незаконных связей с отдельными представителями администрации учреждения, другими работниками ИУ и иными лицами. Средствами для установления подобных связей, как правило, избираются подкуп, шантаж на основе компрометирующих данных, реже - угроза физической расправы.

Материальной основой устойчивого авторитета особо опасных лидеров в местах лишения свободы являются обобществленные денежные и иные материальные средства, так называемый “общак”. В большинстве случаев для пополнения “общака” лидеры объявляют сбор с целью оказания помощи лицам, находящимся в штрафном изоляторе и помещении камерного типа, а также переведенным на тюремный режим (подобная помощь часто действительно оказывается). Однако значительная часть указанных средств уходит на нужды самой группировки: попытки подкупа администрации, незаконное приобретение продуктов питания, приобретение спиртных напитков, наркотических и других сильнодействующих медицинских

препаратов. Наличие у группировки значительных денежных средств (и сама возможность этого) придает ей авторитетность не только в ИК, но и, в целом, в среде преступников. Общая касса пополняется, как правило, за счет обложения своеобразным налогом основной массы осужденных, поборов с отдельных лиц, нарушивших неформальные нормы криминальной среды, картежной игры (налог на саму игру и шулерство), реализации различного рода поделок и т.д. В отдельных случаях общие кассы образуются на основе денежных поступлений от преступных группировок со “свободы” (отчисление определенной доли от) преступной деятельности, например, от реализации похищенного). Об этом свидетельствуют рассказы самих осужденных.

Устойчивости статуса особо опасных лидеров в ИУ способствует всемерная пропаганда “воровской идеологии” в среде осужденных, а в обычной жизни, в условиях свободы - норм и представлений криминальной субкультуры, в том числе с помощью средств массовой информации. Прежде всего сюда следует отнести отстаивание основных принципов жизнедеятельности криминального сообщества: существование за счет преступлений, взаимоподдержка, кооперирование, неукоснительное следование неформальным традициям и нормам поведения и т.п. Обычно наиболее активно эту функцию осуществляют особо опасные лидеры, характеризующиеся определенным уровнем интеллектуального развития, обладающие способностью убеждения и внушения, имеющие значительную репутацию в криминальной среде и высокий авторитет в “собственности” преступной организации. Значительным подкрепляющим фактором в деятельности такого рода является установление жестких санкций за нарушение установленных правил поведения, включающих, например, крупные денежные взыскания, жестокое, морально-психологическое и физическое подавление. Известно, что большинство преступников, внутренне не согласных с требованиями преступных традиций, тем не менее часто руководствуются ими только из страха перед действующими неформальными санкциями за те или иные отклонения в поведении.

Особо опасные лидеры в местах лишения свободы осуществляют функции руководства и контроля в среде основной массы осужденных. В противовес формальным требованиям администрации они отстаивают и реализуют требования, направленные на противодействие полезной занятости, ослабление изоляции (свободу передвижения) в пределах колонии, улучшение питания, нейтрализацию исправительно-воспитательных мероприятий, трудоустройство конкретных осужденных и т.д. Подобная деятельность также способствует усилению престижа и авторитета лидеров, создает им своеобразный ореол борцов за улучшение жизни осужденных. К такому же результату приводит и разрешение ими всех конфликтных ситуаций в среде лишенных свободы. За ними, как правило, остается определение неформального статуса конкретных осужденных, поддержание иерархичности в этой среде. Ими же принимаются решения по вопросам о модификации тех или иных криминальных норм и традиций локального характера, о необходимости массовых выступлений осужденных.

Таким образом, вся деятельность особо опасных лидеров в местах лишения свободы направлена на всемерное облегчение своего существования и, в первую очередь, на возможность паразитирования за счет основной массы осужденных. Последние же обязаны беспрекословно выполнять их требования, обеспечивать им наилучшие условия пребывания в местах лишения свободы, не допускать каких-либо решительных действий без “санкций” таких лиц.

Большое внимание уделяют особо опасные лидеры лицам, недавно прибывшим в ИУ. Поскольку они в процессе отбывания наказания подвергаются известным ограничениям и страданиям и не в состоянии удовлетворить ряд привычных потребностей, на тех или иных индивидов лидеры могут оказывать дополнительное влияние (материальное и моральное), потому что в их руках нередко сосредоточивается частичный контроль за распределением дефицитных благ, проникающих в исправительное учреждение нелегальными путями (продукты питания, алкоголь, наркотики, одежда и пр.). Таким путем особо опасные лидеры “рекрутируют” новых сторонников.

Обычно группировка, возглавляемая особо опасным лидером, охватывает не только осужденных, находящихся в данном ИУ. В нее могут входить осужденные, отбывающие наказание в других местах, а также лица, находящиеся на свободе, если, конечно, между всеми имеется необходимая связь. Поэтому можно сказать, что гибкость, мобильность и в то же время устойчивость особо опасных группировок в ИУ в решающей степени обуславливается стабильностью связей между членами таких группировок, их сплоченностью, что во многом зависит от лидеров. Лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы и входящие там в криминальные группировки, могут составлять единую преступную организацию с теми своими сообщниками, которые действуют на свободе.

5. Обеспечение функций лидера

В данном разделе будут рассмотрены вопросы обеспечения функций лидера лишь в местах лишения свободы. Эти вопросы будут рассмотрены на базе проведенных нами эмпирических исследований.

Поскольку любой лидер является таковым лишь возглавляя определенное объединение людей и лишь в общении с ними проявляет свои лидерские и иные качества, необходимо рассмотреть некоторые характеристики группировок, складывающихся в ИУ, тем более, что “при длительном общении взаимное воздействие людей друг на друга накладывает значительный отпечаток на их характер. В одних случаях происходит как бы обмен характерологических свойств и взаимное уподобление: в результате длительной совместной жизни в исправительных учреждениях люди иногда приобретают общие черты, становятся в некоторых отношениях похожи друг на друга. В неменьшей степени важно и то обстоятельство, что именно возглавляемая особо опасным лидером группировка ИУ в первую очередь обеспечивает наиболее успешное осуществление им своих функций.

В состав группировки в местах лишения свободы, возглавляемой особо опасным лидером, обычно входит от трех до семи осужденных, что обеспечивает оптимальный режим конспирации и простоту внутригруппового управления. Решения лидера являются руководством к действию для остальных участников и, как правило, беспрекословно выполняются ими. Авторитетность лидера, его преступный опыт и личностные качества не только цементируют группировку и обеспечивают ее устойчивость, но и позволяют реализовать асоциальные намерения и интересы. Чаще всего в ИУ организовывается только одна такая группировка, если она вообще существует.

Рядом с лидером обычно находится первый помощник, его “советник”. Это осужденный, хорошо осведомленный о положении дел в ИУ, знакомый со всеми внутренними процессами и противоречиями среди лишенных свободы, авторитетный в ней, имеющий связи с другими группами отрицательной направленности, помогающий в организации каналов проникновения в учреждения запрещенных предметов. Его мнение имеет существенное значение при решении вопросов о направлениях деятельности группировки, конкретных методах и общей тактике.

Следующим важным участником группы является лицо, несущее полную ответственность за организацию, хранение и использование общих средств, общей нелегальной кассы. Этот человек, как правило, приближен к лидеру. В силу выполнения им специфических внутригрупповых обязанностей и их значимости для других, остальные участники группы всячески стараются оградить его от посягательств со стороны окружающих и, в первую очередь, от администрации ИУ.

Участниками группировки являются и так называемые “непосредственные исполнители”. В их обязанность входит “выколачивание долгов”, сбор средств в общую кассу, расправа над неугодными осужденными, охрана членов данной группы и т.д. Эти осужденные обычно обладают большой физической силой, вращаются в среде отрицательно ориентированных осужденных, имеют устойчивые асоциальные привычки. В группе могут состоять и некоторые осужденные молодого возраста, увлеченные уголовной “романтикой” и следующие “воровским идеям”, находящиеся, так сказать, на положении учеников. Они пользуются покровительством со стороны лидеров, и их “воспитание” преследует цель формирования у них стойкой антиобщественной направленности.

Помимо этого в сферу деятельности группировки нередко попадают осужденные, чаще всего именуемые “шестерками”, которых используют для выполнения отдельных непрестижных либо явно противоправных поручений. Такие лица рекрутируются чаще всего из числа осужденных, попавших в материальную, моральную и иную зависимость от группы, либо стремящихся заслужить расположение отрицательной части осужденных.

Приведенная схема носит общий характер, так как в каждом конкретном случае может иметь свои модификации. Например, в группировке может отсутствовать “советник”, а его функции исполняются непосредственно лидером группы либо иными ее участниками.

Учитывая сплоченность, длительное функционирование и организованность группировок, возглавляемых особо опасными лидерами, и при условии совершения этими группировками уголовно наказуемых действий можно, на наш взгляд, утверждать, что они являются преступными организациями. Более того, они могут быть частью преступной организации, функционирующей на свободе. Такие организации представляют наиболее опасную форму организованной групповой преступной деятельности, которая носит сложный многоступенный опосредованный характер, приводит к формированию стойких организационных форм связи соучастников, выработке и усвоению надежных способов совершения и сокрытия преступлений, созданию сплоченной организации, где непосредственные общения между членами по соображениям конспирации зачастую заменяются информационными и деятельностными связями, а отношения носят сугубо “деловой” характер. Организацию возглавляет часто сильный лидер, который, используя авторитарные методы управления преступной организацией, замыкает на себе все ее структурные звенья.

Неформальные групповые нормы, фиксируемые в виде стереотипов, предпочтительных образцов поведения, представления осужденных о “должном” поведении, отношениях, ценностях и способах жизнедеятельности в криминальной среде являются нормативной основой для их межличностных и межгрупповых отношений.

В условиях изоляции от общества нормы, регулирующие взаимоотношения членов особо опасных группировок, их деятельности направлены на:

- 1) закрепление неформальной структуры группировки, определенного положения (статуса) каждого из ее членов, образца поведения среди других осужденных и с администрацией;
- 2) обеспечение конспирации в группировке и, в то же время, получение информации о работе администрации ИУ;
- 3) определение неформального критерия оценки деятельности членов группировки в качестве стимула поведения;
- 4) получение нужной информации о других осужденных, подчинение их своему влиянию, а в ряде случаев оказание им “поддержки” при решении важных для них проблем;
- 5) сохранение значимых антиобщественных ценностей и норм, в которых отражаются отношения к различным сферам социальной действительности;
- 6) регуляция межличностных отношений осужденных с целью упрочения неформальной структуры группировки, групповой сплоченности и противодействия воспитательно-профилактическим мерам администрации.

В целом групповые нормы динамичны, отражают изменения, происходящие в среде преступников и их лидеров. Доминируют те групповые нормы, которые регулируют наиболее важные отношения и лучше приспособлены к процессам в этой среде.

Можно выделить следующие виды групповых норм, регулирующих жизнедеятельность организованных группировок, возглавляемых особо опасными лидерами:

- 1) запрещающие (например, участвовать в работе самодеятельных организаций, поддерживать постоянные отношения с членами актива, содействовать администрации, прилагать усилия к досрочному освобождению, сообщать достоверную информацию представителям администрации о фактах и процессах в среде осужденных, участвовать в строительстве и ремонте

охранных сооружений ИУ (ШИЗО, ПКТ), работать по хозяйственному обслуживанию, присваивать продукты питания и деньги, предназначенные для осужденных, находящихся в ШИЗО, ПКТ, тюрьмах;

- 2) предписывающие, нацеленные на усиление групповой сплоченности (например, не нарушать данное слово, быть “справедливым” с осужденными, оказывать помощь членам группировки, морально и материально поддерживать лидеров и их окружение);
- 3) имущественные (например, “справедливо” распределять материальные блага, получать доступ к средствам жизнедеятельности);
- 4) процессуальные, регулирующие взаимоотношения в группировке и структуру лидерства в динамике, меры воздействия на ее членов. В число этих норм входят и ритуальные (например, оказывать внешние знаки уважения особо опасному лидеру).

Можно выделить нормы, направленные на закрепление и поддержание позиции лидеров, их высокого авторитета в сообществе осужденных. Эти нормы обеспечивают жесткое выполнение внутригрупповой субординации; определяют диспозиции различных категорий осужденных внутри сообщества; закрепляют диапазон допустимых лидером отклонений от принятых групповых норм; фиксируют набор функций, которыми должен обладать лидер.

Согласно этому комплексу норм “воры в законе” должны, в частности, воздерживаться от выполнения работ хозяйственного и бытового назначения, им запрещается участвовать в работе самодеятельных организаций. Осужденные, как следует из этих норм, обязаны всячески содействовать тому, чтобы эти лидеры занимали лучшие спальные места, уклонялись от участия в воспитательных мероприятиях, получали хорошую одежду и необходимые продукты питания, другие материальные стимулы, считающиеся дефицитными в условиях лишения свободы. Как показывает анализ, эти неформальные групповые нормы являются чрезвычайно значимыми для личности, поскольку при помощи их осужденные в рамках своего

сообщества как бы признают “законными”, а значит и вполне “справедливыми” притязания названных особо опасных лидеров и других лиц, занимающих высокий социально-психологический статус в структуре асоциальных групп, на возможные уступки (материальные и моральные) с их стороны.

Они получают определенную возможность не только поддерживать свой авторитет и влияние в конкретной неформальной группе, но и распространять его на более широкую социальную общность. Их влияние может очень сильным и на тех, кто находится на свободе. Те лидеры, которые корректируют, когда это нужно, свою жизнедеятельность, сохраняют ритуальную чистоту и преданность “философии” и субкультуре криминальной среды, получают личную уверенность (которая, в частности, может основываться и на общеразделяемых в сообществе преступников ценностях и неписанных нормах поведения), что их лидерство будет осуществляться наиболее успешно, а авторитет и влияние на других членов сообщества будет считаться вполне “законным”.

В соответствии с требованиями неписаной нормативной системы особо опасному лидеру уже нет необходимости прилагать большие усилия, чтобы поставить себя выше остальных. Не обязательно в каждой ситуации демонстрировать свое превосходство и уникальные личностные качества, поскольку неформальные нормы определяют, где, каким образом и с кем желательно строить взаимодействие, чтобы оно осуществлялось с наибольшим эффектом. Подобное обстоятельство приводит к резкому сокращению контактов “воров в законе” с другими осужденными, поскольку отпадает необходимость в постоянном проявлении ими своей власти над другими. Лидеры негативной среды предпочитают общаться или с лицами, которые занимают достаточно высокое положение в среде преступников (например, упомянутые выше “советники”), или с осужденными, которые могут представлять какую-либо социальную пользу для них лично или той группы, где они являются лидерами. Очевидно, такое поведение лидеров направлено и на то, чтобы не потерять завоеванных социально-психологических и материальных привилегий,

обеспечивающих им более комфортные условия существования в исправительных учреждениях.

Можно предположить, что указанные обстоятельства будут способствовать дальнейшей дифференциации нормальной среды, появлению более четких подгрупп (категорий, социальных типов) осужденных. Члены таких групп предпочитают общаться друг с другом, избегая вступать в устойчивые взаимоотношения как с лицами, занимающими более высокий статус в субкультуре данного сообщества, так и с субъектами, чье положение в ней расценивается как низкое или весьма проблематичное.

Как это не выглядит на первый взгляд парадоксальным, но для такой формы социальной организации, какой являются асоциальные неформальные группы осужденных, подобная система норм и правил поведения не только облегчает легализацию власти и авторитета в рамках субкультуры. Она снижает межличностную конкуренцию субъектов, провозглашает терпимость и одобрение к действиям особо опасных лидеров, способствует активному утверждению и закреплению таких индивидуальных поведенческих образцов (стандартов и стереотипов), которые отвечают уже существующим ценностям среды преступников либо антиобщественным ориентациям, выработанным как в период отбывания наказания, так и в процессе преступной карьеры на свободе.

Следует подчеркнуть, что действующая в условиях отбывания наказания система неписаных норм и правил поведения нередко “дополняет”, “уточняет” на индивидуальном уровне (может быть и восполняет) имеющиеся пробелы официального нормативного регулирования межличностного взаимодействия осужденных и их поведения в тех или иных сферах жизнедеятельности (труд, учеба, быт и др.). В то же время изменение или корректировка официального нормативного регулирования (требования режима, предписание администрации, включение новых нормативных образцов и т.д.), введение эффективных (с точки зрения администрации) методов контроля и способов формирования положительных взаимоотношений ведут к определенной трансформации существующей в субкультуре осужденных

нормативно-ценностной системы. Подтверждение этому служит, в частности, изменение комплекса неписаных правил, направленных на поддержание исключительного положения в ИУ “воров в законе” и других опасных лидеров. Прежняя нормативная система включала такие неписанные правила и неформальные санкции, которые, к примеру, запрещали им заниматься любыми формами трудовой, общественной деятельности, поддерживать отношения с администрацией и пр. Другим осужденным, согласно неформальным нормам, предписывалось строго и беспрекословно следовать любым указаниям “авторитетов”, трудиться на них, собирать и передавать им так называемую дань в виде дефицитных продуктов питания, денежных средств и т.п.

В современных условиях эта нормативно-ценностная система несколько трансформировалась, стала более гибкой и динамичной. Она, в частности, учитывает возросший уровень официальных требований, предъявляемых к режиму, производственной, учебной деятельности, общению и др. Так, допускается, если этого нельзя избежать, участие названных опасных лидеров в труде, они, по возможности, должны избегать конфронтации (только явной) с администрацией и т.д.

Однако, как показывают практика и результаты наших наблюдений, в большинстве случаев они в той или иной форме воздерживаются или попросту уклоняются от участия в исправительном процессе. Это происходит даже тогда, когда, казалось бы, имеется (или кажется со стороны наблюдателя вполне очевидной и логичной) личная заинтересованность в достижении позитивного результата, в качестве которого традиционно выступают досрочное освобождение, получение материальных и моральных благ, перевод на иной режим содержания и т.п. Чем объяснить подобную настойчивость в следовании откровенно антисоциальным установкам и завидное упорство, похожее на фанатизм, в отвергании требований администрации, которые, по объективным оценкам, могли бы привести к улучшению положения данного осужденного?

Представляется, что главная причина такого сопротивления заключается в том, что принимая условия администрации ИУ, опасные лидеры реально рискуют потерять

свой статус и подвергнуться в связи с этим санкциям. Иными словами, из двух систем требований они отдают предпочтение неформальной, потому что именно она и только она является для них субъективно приемлемой несмотря на то, что иная может сулить им даже обретение свободы. В свою очередь подобная ситуация объясняется тем, что названные лица находятся в активной оппозиции обществу и его нормам, отчуждены от них и адаптированы лишь в среде преступников.

Оценивая в целом неформальные нормы среды осужденных и особенно групповые правила и стандарты в аспекте обеспечения ими функций особо опасных лидеров, необходимо также отметить следующее.

Общность осужденных является в значительной степени замкнутым формированием, находящимся в антагонистических отношениях с остальным обществом, и система неформальных норм в ней развивается достаточно интенсивно. Относительная замкнутость этой общности способствует тому, что рождаемые ею нормы, которые по своему характеру, как правило, отличаются от норм всего общества, охватывают значительные сферы. Необходимо сказать, что процесс этот носит объективный характер и не может быть отменен директивно. Столь же объективен процесс появления неформальных лидеров, которыми, в частности, становятся лица, хорошо владеющие системой действующих неформальных норм.

Чем больше времени человек находится в местах лишения свободы, чем в большей мере он ассоциирует себя с остальными осужденными, тем больше он испытывает давление существующих норм, тем в большей степени он должен с ними считаться. Наиболее долго живущие и наиболее общие нормы этой среды во многом приобретают характер идеологии, философии жизни правонарушителей. Причем нормативная система на этом уровне реагирует не только на конкретное поведение осужденных, но и претендует регламентировать его отношения. Носителями, распространителями, хранителями этой идеологии и являются опасные лидеры. Ее нормы – продукт опыта не одного поколения преступников, поэтому она не лишена внутренней логики и эффективности в достижении господствующих в сообществе ценностей.

Еще одно существенное свойство неформальной системы норм в том, что она во многом оправдывает, поощряет преступное поведение, объявляет его естественной нормой жизни. Приняв эту систему взглядов, осужденный избавляется от многих личностных противоречий, от определенного душевного дискомфорта, находит оправдание и объяснение своего положения. В определенном смысле эта философия открывает перед ним новые перспективы. Она приобретает особую ценность в глазах тех, кто не верит в возможность устройства своей судьбы в законопослушных формах. Поэтому основные носители этой идеологии, жизненной философии – особо опасные лидеры – в глазах многих осужденных приобретают ореол авторитета, образца для подражания. Этому способствует и то обстоятельство, что лидеры имеют доступ к определенным материальным благам, способны оказать ряд услуг, актуальных для осужденных.

Критика взглядов, образа жизни “воров в законе” и других опасных лидеров с позиций общепризнанной жизненной логики для многих осужденных зачастую не выглядит достаточно убедительной. Так, ссылка на то, что лидеры паразитируют на других, далеко не всегда воспринимается отрицательно. По логике осужденных – лидеры паразитируют по праву сильных, компенсируя этим последовательную приверженность идеологии преступников, что является одной из главных их социальных функций в сообществе осужденных. Это же обстоятельство во многом поддерживает их авторитет, значимость.

Остановимся на некоторых “технических” вопросах “прихода” того или иного осужденного к руководству особо опасной группировкой в ИУ.

Осужденный, уже имеющий статус лидера, по прибытии в ИУ сразу же обязан (в соответствии с неформальными правилами) предпринять ряд действий, соответствующих его положению (статусу) и затем осуществлять определенную деятельность, направленную на неформальное руководство своей группировкой и, по возможности, всей массой осужденных. Часто о прибытии лидера заранее осведомлена отрицательная часть осужденных. К встрече его обычно готовятся:

освобождают лучшее спальное место, пытаются решить вопросы трудоустройства, изыскивают дефицитные продукты питания, спиртные напитки, наркотики и т.д. Если о прибытии лидера группировка не извещена, он обязан в кратчайший срок объявить о своем статусе и подтвердить его либо особыми “мандатами”, либо посредством срочной нелегальной переписки с другими авторитетами преступной среды.

В ИУ лидер должен выяснить, кто до него руководил группировкой, какие предпринимались действия по сплочению осужденных на антиобщественной основе, какие санкции выносились за нарушение. С момента появления в учреждении такое лицо, как правило, становится единоличным неформальным лидером, если нет других претендентов на эту роль. В противном случае между ними могут возникнуть конфликты.

Механизм появления новых особо опасных лидеров выглядит примерно так: осужденный, претендующий на эту роль, прямо или завуалировано заявляет об этом. Он не только берет на себя обязательства неукоснительно следовать воровским правилам, но и всем своим прошлым поведением должен доказать строгую приверженность им. В роли претендента он как бы проходит испытательный срок, выполняя конкретные поручения и находясь под пристальным контролем со стороны лидирующего ядра группировки. Вопрос о “возведении” его в статус лидера обычно решается на достаточно представительном собрании лиц, представляющих верхушку группировки (например, на сходке). Такие собрания могут иметь место при условии хорошо налаженных нелегальных связей между осужденными. Во многих случаях для этого необходимы контакты с рядом ИУ. Практика показывает, что “утверждение” кого-либо в качестве лидера очень часто сопровождается конфликтами, порой весьма острыми, между членами лидирующей верхушки.

Следует иметь в виду: если в группировке, функционирующей в ИУ, имеется несколько особо опасных лидеров, то, как правило, между ними возникают конфликтные отношения из-за борьбы за “власть” и влияние, что необходимо использовать для их развенчания и дискредитации.

Подводя некоторые итоги, отметим, что группировки осужденных с особо опасными лидерами функционируют в ИУ в соответствии с неформальной нормативно-ценностной системой, распространенной в среде осужденных. Важный элемент этой системы – групповые нормы, т.е. совокупность правил поведения, взаимоотношений в среде преступников. Такая система является идеологической основой противоправных группировок, без которой их существование попросту невозможно. Неформальные нормы и санкции за их нарушение являются устойчивыми образованиями, специально выработанными преступниками в ходе совместной противоправной деятельности на свободе и в местах лишения свободы.

Санкциями выступают: лишение прежнего неформального статуса и низведение на более низкую социальную ступень, физические расправы, издевательства, насмешки, распространение клеветнических и порочащих измышлений, лишение некоторых материальных благ, ограничения нравственно-психологического порядка и т.д. Эти санкции не имеют ничего общего с законом, более того, противоречат ему, а поэтому представляют собой нарушение режима.